

ТАТЬЯНА
ЛЮБИМАЯ

ПОВТОРИ, ЧТО ЖЕ
ЛЮБИШЬ

Татьяна Любимая

Повтори, что не любишь

«Автор»

2026

Любимая Т.

Повтори, что не любишь / Т. Любимая — «Автор», 2026

– Я хотела познакомить вас со своим сыном. Это Лёвушка.– Прелестный малыш, – говорю искренне, хотя сама в замешательстве. В голове крутится мысль: «Что происходит?».– Его отец ваш жених.– Егор?! – вместо возмутительного крика из горла вырвался какой–то сип. – Не смешно, девушка. Вы, наверное, меня с кем–то спутали. Сегодня много кто женится.– Это правда. Отец моего ребенка Егор. Вот тест ДНК, – всовывает мне в руку свернутую пополам бумагу. Не надо смотреть! – вопит внутренний голос. Но пальцы уже разворачивают лист. Опускаю глаза вниз. Буквы от волнения расплываются, сливаются в одно черное месиво. Взгляд выхватывает только последнюю строчку: «Вероятность родства 99,9%». Чуть выше сквозь пелену перед глазами проявляется еще одна строка: «Сургутский Егор Николаевич». Это имя моего жениха! Красивой сказке конец?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Татьяна Любимая

Повтори, что не любишь

Пролог

Внимание! Все совпадения в тексте – исключительно авторская фантазия

Лина

– Уважаемые Ангелина и Егор! – звучит торжественный голос в просторном зале, взвизывает вверх, под белоснежный купол, растворяется эхом. – Сегодня важный и волнующий для вас день – день рождения вашей семьи...

Нашей семьи? НАШЕЙ? – пульсирует у меня в висках.

– ... Вы приняли одно из главных решений в своей жизни – соединить две судьбы в одну и пройти одну дорогу жизни...

Дорогу лжи и обмана! – хочется крикнуть мне на весь зал, но словно невидимый обруч сжимает горло, ни звука не могу из себя выдавить.

– ... Сюда вас привела любовь...

О да! Меня сюда точно привела любовь, а Сургутского что?

– ... Только любовь способна на такое чудо, как сблизить две судьбы, две совершенно разные жизни, она поможет вам прожить долгие годы в мире и согласии, создать крепкую семью.

О чем эта женщина вообще говорит? Какая семья?!

– ... Выполняя высокий долг как представитель государства, я прошу вас ответить, является ли ваше решение стать законными супругами, создать семью искренним, взаимным и свободным. Готовы ли вы принять на себя великий долг друг перед другом и перед будущим ваших детей? Прошу ответить вас, Егор.

– Да, – звучит твердый ответ слева от меня.

Врун! О, какой же он врун! Ненавижу его!

– Вас, Ангелина.

Вот он – момент, который я ждала столько времени. О котором мечтают все девочки, девушки, женщины.

В зале повисла звенящая тишина, родственники за моей спиной ждут ответа и, кажется, перестали дышать.

И я.

Перестала дышать. Еще десять минут назад. Забыла как.

Перед глазами стоит совсем другая картинка: девушка с мальчиком на руках. А в ушах звучат совсем другие слова: "Это Лёвушка. Его отец – ваш жених".

– Невеста, ответьте, – требует женщина, вырывая меня из оцепенения. Не сразу понимаю, что она хочет и к кому обращается.

– Ангел мой, скажи "Да", – Егор находит мои пальцы, сжимает их.

Меня словно током бьет, выдергиваю руку.

Как? Как я могу сказать "Да", когда он любит не меня? Когда женится на мне по расчету? Когда у него есть другая семья? Ребенок! Которому нужен отец. Не приходящий по воскресеньям папа, а живущий с ним постоянно. Чтобы играл. Обучал. Воспитывал. Растил.

Я не буду разлучницей. Я не могу, не имею права рушить чужую семью. Пусть я узнала о ней слишком поздно, но еще все можно исправить. Заветного слова Егор от меня не услышит.

Разворачиваюсь к нему лицом, смотрю в его обеспокоенные голубые глаза снизу вверх. Последний раз. Запоминаю каждую черточку, любимые родинки на щеках, очертания губ, взмах ресниц.

Как ты мог? – кричит моя раненая душа. – Как ты мог меня обманывать столько времени, Егор? Уходить от сына, от любимой женщины – ко мне! Говорить красивые слова, строить планы – со мной! А потом встречаться с ней и делать то же самое. И может быть, вместе с ней посмеиваться надо мной, глупой, наивной, влюбленной.

Обманщик! Лжец! Предатель!

– Ангелина? – тревожится жених.

А я ведь ему верила. Любила до безумия. И до сих пор люблю, поэтому так больно, что дышать не могу. Сердце колет, будто тысячи иголок в него вонзились.

Среди гостей проносится взволнованный шепоток.

Я слишком люблю этого мужчину. Поэтому... прилюдных обвинений в обмане не будет. Пусть он сохранит свое достоинство. Это мой ему прощальный подарок.

– Извини, Егор – стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно. Хотя внутри все дрожит, горит, рвется, бьется, взрывается. – Я поняла, что не люблю тебя. И не хочу связывать себя узами брака с... – вруном, обманщиком, предателем, подлецом! – с нелюбимым.

– Да что ж такое! – сотрудница загса возмущенно и громко захлопнула папку. Словно выстрел прозвучал в огромном белом зале бракосочетания. Я вздрогнула. – Вирус у нас тут какой витает или что? Никого поженить не могу сегодня! – выдала она в сердцах.

– Что ты такое говоришь, Ангелина? – Егор обхватил мои плечи ладонями, легонько встряхнул. – Ты не в себе? Тебе плохо?

Не могу отвести от него взгляда. Любуюсь в последний раз. Запоминаю.

Какой же он красивый. Высокий, статный. Костюм на нем как литой, белоснежная рубашка слепит глаза, бутоньерка – мини-копия моего свадебного букета – в петлице. Завидный жених. И не мой. Больше не мой.

Был ли моим?

– Извините ее, – обратился Егор к работнице загса и гостям с натянутой улыбкой, – невеста перенервничала, бывает. Дайте нам минуту.

– Это все нервы, милая, – подняв руки, гладит меня по щекам. Чувствую, какие они у меня холодные. А вот пальцы его – кипятки.

Дергаю головой, как от ожога. Теперь, когда я знаю правду, его прикосновения неприятны.

Егор так натурально переживает. Бегаёт взволнованным взглядом по моему лицу: глаза, рот, снова глаза.

Не знала бы я его тайну, поверила бы. Как верила ему еще десять минут назад.

Наивная дуручка.

Думала, сорвала джек-пот, а оказалось, попала в лапы альфонса. Хорошо, что правда вскрылась сегодня. До финальной фразы "Объявляю вас мужем и женой" и наших подписей в журнале регистраций.

Спасибо "доброй" девушке, открыла мне глаза на моего жениха, которого, как оказалось, я совсем не знаю.

– Я не выйду за тебя, – проговариваю медленно, но твердо. Я для себя все решила. И за Егора сделала выбор. В пользу его настоящей семьи. В пользу маленького мальчика Лёвущи. – Я тебя не люблю. – Вдох. Выдох. И контрольное, чтобы наверняка. Чтобы хоть на йоту почувствовал то, что почувствовала я, когда узнала его тайну: – Я люблю другого.

Ему нужно несколько секунд, чтобы переварить мои слова. Понять, что не шучу. Что свадьбы не будет. Я ее отменила.

Глаза темнеют. Из голубых превращаются в грозовые тучи.

– Повтори, – выдавливает из себя. – Повтори, не любишь.

– Не люблю! – сердце кровоточит, внутренности скручивает от боли, но я не позволяю дать себе слабость. Показать мою боль ЕМУ.

– Свадьбы не будет! – ставлю громкую точку в начале церемонии. – Невеста передумала!

Пихаю букетик роз Егору в руки, вынуждая принять его. Сама разворачиваюсь и, приподняв подол платья, устремляюсь на выход.

По бесконечному ковровому покрытию. К заветной двери, за которой ничего больше не будет: ни любимого мужа, ни желанного брака, ни счастливой меня.

Сзади кто-то что-то кричит. Различаю голос отца, Егора. Они ругаются, остальные шумят.

А мои мечты о счастье разбиваются вдребезги.

Дорогие читатели! Рада приветствовать вас в моем романе! Это будет трогательная история любви, впрочем, вы все узнаете сами!

Не забудьте поставить звездочку!

Глава 1

Лина

Десятью минутами ранее событий в прологе

– Согласна ли вы, невеста? – спросит меня чопорная сотрудница загса.

– Да! – восторженно и громко прозвучит мой ответ.

Или

– Да–да–да! – радостно и несдержанно.

Или

– Да, – скромно.

Или

– Согласна, – одними губами.

Как ответить?

Глядя на себя в зеркало, прикладываю прохладные ладони к горящим щекам. До сих пор не верится, что сегодня этот день. ЭТОТ ДЕНЬ!

Мамочки!

Я столько раз представляла свою свадьбу! Кажется, продумала все до мелочей.

Пока все идет, как спланировали.

Платье мое свадебное – загляденье. У меня к нему случилась любовь с первого взгляда.

Верх и рукава – бежевая сетка, расшитая перламутровыми бусинами. Декольте сердечком, от талии пышная газовая юбка, тоже сверкающая бусами и пайетками. Невесомая фата скрывает часть завитых волос. А на ногах такие прелестные лаковые туфли, что не снимала бы их никогда. Очень удобные и красивые. Сколько стоит эта красота – уму непостижимо, но это того стоит!

Не могу налюбоваться своим отражением. Ну я же! И в то же время не я. Какая–то принцесса из сказки.

Видела бы меня моя мама! Но увы, ее нет уже несколько лет, а папа не смирился с потерей и так и живет один в далеком сибирском городке. Но сегодня он здесь, в зале, и я счастлива.

Глаза сверкают лихорадочным блеском. Впору растрогаться от распирающих чувств, но нельзя. У меня праздничный макияж. А церемония еще даже не началась.

В загсе душно. Перед нами брачуются пара, нас просили подождать в холле.

Сегодня у нас скромная регистрация с близкими родственниками, в столичном загсе. Завтра – пышное торжество для остальной родни и друзей в резиденции, снятой в аренду. А послезавтра – в воскресенье, мы с Егором уплываем на теплоходе в свадебное путешествие. Любимый настоял отметить нашу свадьбу с размахом, хотя мне бы хватило и одного торжественного дня.

Предупредив жениха, что хочу отлучиться, сбежала в дамскую комнату. Захотелось побыть одной. Вдали от суеты и волнения, бесконечных поздравлений и пожеланий.

Тут прохладно.

Последние минуты моей девичьей жизни. А впереди – безграничное счастье с любимым.

Боже, как я счастлива! Мне кажется, нет такой силы на земле, что сможет нас с Егором разлучить!

– Вы очень красивая, – раздался сбоку вкрадчивый женский голос.

Испугавшись, вздрагиваю. Не ожидала, что здесь кто–то есть еще.

Оборачиваюсь.

Девушка стоит передо мной с малышом на руках. Мальчик. Ему, наверное, еще года нет, такой маленький. Голубоглазый, темноволосый.

– Спасибо, – вежливо отвечаю незнакомке. Если уж посторонний человек говорит, что я красивая, значит, это действительно так.

– Я вас испугала? Извините, не хотела.

– Нет, все в порядке, – уверяю ее. Она такая милая.

Включаю воду, чтобы сполоснуть руки прохладной водой.

– Егору повезло.

Резко разворачиваюсь к девушке. Рассматриваю ее внимательнее.

Она блондинка, чуть старше меня. Красивая. Глаза чуть раскосые, зеленые, прямой нос, круглые скулы, пухлые губы. На ней джинсовый комбез, белая футболка, белые мокасины. На плече – сумка. Мальчика прижимает к себе обеими руками, будто боится, что отберут. Он у нее темненький, от матери почти ничего нет, если только разрез глаз.

– Мы знакомы? – спрашиваю ее, а сама силюсь вспомнить видела я ее раньше или нет. Может, она родственница со стороны жениха? Егор обещал познакомить со своей семьей на свадьбе.

– Вы меня не знаете. Но это не важно.

Не важно? Зачем тогда она завела со мной разговор?

Начинаю нервничать.

И вроде бы повода нет, но... нехорошее предчувствие закрадывается в душу.

– Я хотела познакомить вас со своим сыном. Это Лёвушка.

– Прелестный малыш, – говорю искренне, хотя сама в замешательстве. В голове крутится мысль: "Что происходит?".

– Его отец... ваш жених.

– Егор?! – вместо возмутительного крика из горла вырвался какой-то сип. – Не смешно, девушка. Вы, наверное, меня с кем-то спутали. Сегодня много кто женится.

И вообще мне пора идти, вот-вот подойдет наша очередь.

Делаю шаг к выходу, но девица преграждает мне путь.

– Это правда. Отец моего ребенка Егор. Вот тест ДНК, – всовывает мне в руку свернутую пополам бумагу.

Не надо смотреть! – вопит внутренний голос.

Но пальцы уже разворачивают лист.

Опускаю глаза вниз. Буквы от волнения расплываются, сливаются в одно черное месиво. Взгляд выхватывает только последнюю строчку: "Вероятность родства 99,9%".

Чуть выше сквозь пелену перед глазами проявляется еще одна строка: "Сургутский Егор Николаевич".

Это имя моего жениха!

Красивой сказке... конец?

Пол под ногами странно качается.

– Что вам нужно от меня? – поднимаю наконец взгляд на девицу. Невольно перевожу его на ребенка. Малыш отдаленно похож на Егора. Цвет глаз одинаковый.

– Подумайте, Ангелина, нужен ли вам мужчина, который живет на две семьи? Вы молодая, красивая. А у меня от него ребенок. Его кровь. Его наследник.

– И что... – говорить трудно, горло словно в тиски зажало. Обхватываю его ладонью, глажу, массирую, чтобы хоть как-то ослабить боль, из-за которой даже говорю с трудом, – Егор... навещает сына?

– Навещает сына? – девушка усмехнулась. – Он живет с нами. Со мной.

А мне он говорил, командировки...

Вспоминаю его частые отлучки. По работе.

Но после! После он всегда хвастался новыми контрактами. Всегда!

Не зря съездил, – гордился он собой, гордилась я им. Умный у меня жених. Самый лучший.

А оказывается, не только у меня...

Жить на две семьи и при этом вести успешный бизнес – нужно обладать недюжинными выдержкой и способностями. И чтобы никто не догадался. Чтобы я не догадалась.

– Почему же... он не женился на вас?

– Господи, я думала, он на умной хотя бы женится, – девушка театрально закатила глаза. – Бизнес, детка. У него голый расчет. Твой отец имеет контрольный пакет акций крупнейшего завода страны, верно?

– Откуда вы... ты знаешь? – тоже перехожу на ты.

Но больше ввергают в шок слова девушки. Кто мой отец, не знает даже Егор. Точнее, я ему не рассказывала, где и кем он работает. А она знает...

Значит, мой жених тоже знает? И ничего мне не сказал, даже наводящих вопросов не было...

– Рано или поздно акции перейдут к тебе и соответственно к твоему мужу, – она не отвечает на мой вопрос. – Приятный бонус, полученный в браке, – усмехается. – Видишь, Сургутский ничего от меня не скрывает. ТЫ ему нужна для дела, а Я для Егора, то есть Мы с Лёвушкой, – она с любовью посмотрела на сына, пригладила его темные волосики, – для души и тела.

Для души и тела... – знакомые слова. Егор мне говорил их. Что я ему нужна для души и тела. Со мной он может быть настоящим. Меня любит.

А получается, не только мне это говорил...

Нет, не верю. Это какой-то сюр, розыгрыш. Сон в конце концов!

Егор не мог мне врать! Он, когда смотрит в мои глаза, такой искренний! Это не сыграть.

Ему не нужны деньги или связи моего отца. Сургутский богат.

Когда я познакомилась с Егором, он был обычным работягой. Но позже, спустя несколько месяцев отношений, когда влюбилась в него по уши, а он в меня, дела у него пошли стремительно в гору. Без помощи моего отца! Без помощи кого-то другого!

И в то же время передо мной – живое доказательство его обмана...

– Мы много лет живем вместе... – фоном звучит голос незнакомки.

Ей мало. Она решила меня добить фактами. Говорит и говорит что-то об их с Егором и Лёвушкой жизни.

А у меня голова кружится от новости. Какой-то тупизм напал. Не понимаю, со мной это все по-настоящему происходит или я в какую-то параллельную реальность попала.

Слепо шарю по воздуху руками, ищу опору, натыкаюсь на стену. Перебирая руками, двигаюсь к выходу. Здесь, на одних метрах с любимой женщиной и сыном моего жениха, находиться не могу. Мне дурно. Перед глазами все плывет, пол качается.

– Ангелина... – зовет меня женщина.

Выставляю ладонь, показывая, чтобы больше ничего не говорила и не приближалась.

– Хватит! – прошу ее замолчать.

Глава 2

Лина спустя два часа после загса

– Объясни, что произошло! – давит на меня отец.

– Ни–че–го не про–и–зош–ло! – повторяю по слогам, как заведенная. Не глядя хватаю что–то из одежды с вешалки и запихиваю в чемодан. – Я просто поняла, что не люблю его!

Не могу произносить его имя вслух. Да и мысленно тоже. Мгновенно сжимается горло и жжет глаза.

– Врешь! Любишь! – отец видит меня насквозь.

И это несмотря на то, что в последние годы мы с ним здорово отдалились друг от друга. Потому что я, окончив школу, приехала сюда, в Москву, учиться, а папа остался в Сибири. Он главный акционер гигантского завода, там часто требуется его личное присутствие, поэтому переезд в столицу он не рассматривал.

Я же была занята сначала учебой, потом добавилась личная жизнь, общение с папой снизилось до минимума.

И все равно он чувствует меня.

В Москве отец появляется не часто, только для решения рабочих вопросов, но вот сейчас прилетел на мою свадьбу.

Которая не состоялась.

– Не люблю! Он... мне противен! – рывком выдергиваю из груды одежды синюю кофточку. Это ОН ее мне купил, когда мы гуляли по ТЦ. Я глаз не могла отвести от манекена, одетого в эту кофточку и юбку. Вот эту. Он заметил и купил, даже несмотря на то, что я отнекивалась.

Выкидываю ее из чемодана тоже. Она летит в угол. Туда, где бесформенной кучей лежит свадебное платье, а сверху, как вишенка на торте, – белые лакированные туфли.

Ни одного его подарка не возьму с собой!

– Что он сделал?

О! Какой чудесный вопрос! Что он сделал? Он завел себе другую женщину, родил с ней сына. И вместо того, чтобы жениться на матери своего ребенка, он охмурил, очаровал, влюбил в себя меня, сделал предложение. А я, влюбленная дурочка, ничего не видела, не замечала, не подозревала.

А ради чего? Ради акций моего отца!

Гад какой, даже не обмолвился ни разу, что знает чья я дочь!

Спасибо той женщине. Просветила. Глаза открыла. Уберегла меня от ошибки. Пусть теперь с ней остается. И без папиных акций.

Я искренне желаю ей и ЕМУ счастья.

А я...

Я переживу.

Уеду домой, к отцу, в наш маленький городок в Сибири. Поплачу, пострадаю, пока не затянутся раны. Соберу себя заново. И может быть тоже стану счастливой. Назло ЕМУ.

– Ничего он не сделал, – резко отвечаю отцу.

Не хочу открывать ему душу. Рассказывать то, что узнала про жениха. Бывшего жениха!

– Ну и правильно. Не говори. А то вы помиритесь, опять сойдется, а я буду знать и помнить, что когда–то он тебя обидел.

– Мы не помиримся никогда. Не сойдемся! Знать его не хочу! Все! Точка!

Захлопнула крышку чемодана, дернула замок.

– Дай я закрою, пока ты ему замки не сломала, – папа отодвинул меня от несчастного чемодана и застегнул молнии. Закончив, развернулся ко мне: – Беру билеты на ближайший рейс? Полетим вместе?

– Нет. Я на поезде поеду.

Никогда не летала на самолете. Панически боюсь этот вид передвижения. Поэтому – только наземный транспорт.

Я и на теплоход согласилась только после долгих уговоров. Егор заверил, что все безопасно. Привел статистику, показал отзывы. И главное – он будет рядом, мне бояться нечего.

Вот и пусть теперь с той, другой в свадебное путешествие плывет. А я – домой. Хватит с меня этой Москвы.

– Трое с лишним суток, Лина.

– Ну и что. Мне нравятся поезда.

Папа открывает приложение на телефоне.

– На сегодня есть билет. Верхняя полка. Плацкарт.

– Идет.

Чем быстрее уеду, тем лучше.

– Давай купе лучше поищу.

– Нет. Не надо купе. Неизвестно с кем буду ехать. Плацкарт мне подходит.

– А в плацкарте, думаешь, будет лучше? Подсядут дембеля, сама не рада будешь.

Да разве могут дембеля сделать мне хуже, чем сделал жених?

Бывший жених! – поправляю себя.

Папа еще ворчит, но оформляет билет. Знает, что меня не переубедить.

Меня трогает его забота. До слез. Особенно на фоне сорванной свадьбы и разбитого сердца.

Он хочет помочь. Сделать что угодно, чтобы мне было лучше, легче. А легче не становится. Особенно от мысли, что Егор может нагрянуть сюда с минуты на минуту, потребовать объяснений. Включит дурачка и сделает невинное лицо.

Физически не смогу с ним разговаривать. Скорей бы уехать. Чем дальше буду отсюда, тем быстрее забуду. Наверное.

– И все-таки. Дочка, ты сейчас в таком состоянии, что я боюсь тебя отпускать одну. Охрану дам тебе из своих.

– Нет, папа! Никого не надо, пожалуйста, – складываю руки в умоляющем жесте. – Со мной все в порядке. Я уже взрослая.

Встаю перед зеркалом. Там в отражении – обычная девчонка в футболке и джинсах. Ничего общего с ослепительной красавицей, что была на ее месте еще сегодня утром и готовилась сказать самое главное слово в своей жизни. Сложная прическа разобрана, волосы скручены в ракушку и прихвачены крабом. Макияж стерт мицеляркой. Глаза потухшие, веки и губы припухшие.

– Паспорт не забудь, взрослая.

– Ой! – ноги подкашиваются, и я падаю на край кровати. – Он же в загсе остался!

Неужели побег придется отложить?

– Не остался. Я забрал, – папа уходит в прихожую и тут же возвращается. Узнаю цветную обложку паспорта в его руке.

– Пап! – в очередной раз подкатывает ком к горлу. Слова благодарности застревают внутри, зато слезы рвутся наружу. Подскакиваю и бросаюсь ему навстречу. – Спасибо!

– Ангелочек, – папа подхватывает меня, прижимает к груди.

Опускаю руки ему на талию, обмякаю в родных объятиях. И наконец даю волю слезам. Рыдаю, громко всхлипывая. Заливаю отцовскую рубашку слезами, трусь носом о ткань, пропахшую его парфюмом и личным, мужским запахом.

Выплакиваю и злость на Сургутского, и на его гражданскую жену, которая намеренно испортила мне день свадьбы, хотя могла бы объявиться раньше. И обиду на себя, что была такой доверчивой, позволила обмануть себя.

А еще жалею себя.

В этом паспорте сегодня мог стоять штамп о браке. Но его там нет. Как и нет новой фамилии, любимого мужа, свадебного путешествия, совместных планов на будущее...

– Ну что ты, что ты, Ангелочек, – папа ласково гладит меня по спине, успокаивает как маленькую: – Взрослая, а слезы льешь совсем как в детстве. Помнишь, как лезла через штакетник и застряла промеж досок? Тебе тогда лет... пять–шесть было?

– Пом... помню, – всхлипываю.

– Платье свое любимое порвала – за гвоздь зацепилась.

– Ага...

– Целый таз слез выплакала.

Смеюсь сквозь слезы. Помню тот день как один из самых ярких в моем детстве. И обиду на себя тоже помню – не просчитала последствия, понадеялась, что получится пролезть, а не вышло.

Вот и до сегодняшнего дня надеялась, что меня ничто не остановит сказать "Да". Однако... у судьбы свои планы.

– Провожу тебя, потом на самолет сяду. Буду дома тебя ждать. А ты чтоб звонила на каждой станции! – строго.

– Обязательно, – обещаю.

Глава 3

Лина

На вокзале до самого отправления поезда я не отхожу от папы. Как бдительный суслик, тяну шею, постоянно оглядываюсь и всматриваюсь в лица снующих туда–сюда людей. Все кажется, что вот сейчас увижу крупную фигуру Егора или кого–то из его друзей или охраны. Дрожу как перепуганный кролик и с нетерпением жду отправления поезда, как утопающий спасительную лодку.

Я никогда не видела Егора жестоким, злым или в ярости. Но как–то подслушала разговор его охранников. Один рассказывал другому, как бушевал Сургутский из–за проблем в компании, которые сильно ударили ее по репутации. Виновата была одна из сотрудниц – напутала с цифрами в отчете для клиента, и тот попал на огромные штрафы. Соответственно он нашел кого обвинить. Егор как мог замял это дело, но сарафанное радио уже сработало. Один за другим начали разрывать отношения другие клиенты. Сургутский рвал и метал. Сотруднице той не поздоровилось. Уволили ее с волчьим билетом, но, по словам охранника, это она еще легко отделалась.

Не знаю, сколько правды было в услышанных мной словах, возможно, все было несколько утрировано либо наоборот, преуменьшено, но проверять или верить в жестокость любимого мне не хотелось.

Если и был Егор в плохом настроении при мне, но я видела, как он старался сдерживаться, умел переключаться на нас, на меня. Хотя внутри у него бушевали ураганы. И я была ему благодарна за старания. Поддерживала как могла.

Егор терпеть не мог проигрывать. Он всегда должен был быть на высоте.

И тут свадьба. И мой отказ, а затем побег.

Это поначалу он растерялся. Но что было потом, когда я сбежала, я не знаю. Вдруг он решил найти меня, потребовать объяснений. Хочет наказать? Нет. Не могу представить Егора жестоким по отношению к женщине. Ко мне.

Но также я не могла представить, что у него есть другая семья, любимая женщина и желанный ребенок.

Оказывается, я совсем не знала своего жениха.

И до сих пор не знаю, на что он способен. Он вполне мог объявить план–перехват по поимке меня. Цель – найти, потребовать объяснений и... уничтожить. Меня и моего отца. За то унижение, оскорбление, что я устроила ему в загсе на глазах близких ему людей. А в резиденцию Егор и вовсе пригласил чиновников и парочку депутатов...

Сам виноват! Нечего было мне врать!

Обида во мне перемешана с ужасными возможными картинками наказания, которые генерирует мой мозг.

Нет, Егор не сможет причинить мне и моему отцу боль. Он всегда был со мной нежен. Он так смотрел на меня, столько раз говорил, как любит меня и только меня...

Я верила! И любила в ответ всей душой, сердцем, телом.

Но, повторяюсь, я совсем не знаю Сургутского.

Трясаясь от страха, жмусь к отцу на платформе и накручиваю себя еще больше.

Папа, видя мое состояние, попробовал уговорить меня на самолет. Отказалась. Ибо, страх перед полетом пересилил страх перед Егором.

Когда поезд тронулся, увозя меня из Москвы, еще долгое время не могла поверить, что слежки нет. Первые сутки поездки внутренне вздрагивала всякий раз, когда по проходу туда–сюда сновали то проводники, то пассажиры. Сердце замирало в ужасе на каждой стоянке, представляя, что вот сейчас за мной придут.

Ночь почти не спала. Страх отступил. Скорее всего из-за того, что ресурсы моих нервов были истощены. Зато снова полились слезы. Я тихо и горько плакала, вспоминая, как была счастлива с Егором. Каким влюбленным взглядом он смотрел на меня. Словно я его Вселенная. Будто он готов был положить к моим ногам весь мир.

Как мы с полной отдачей занимались любовью и это было потрясающе. Егор был моим первым и единственным мужчиной.

Вот только я у него единственной не была.

Вряд ли когда-нибудь кто-нибудь сможет его заменить.

Вспоминаю, с каким восторгом я принимала от него подарки. С начала отношений невинные: мягкие игрушки, цветы, конфеты, билеты в театр. Позже добавились дорогие украшения.

Поспешно трогаю серьги в ушах и обмираю: они на месте. Егор подарил их незадолго до свадьбы, я надела и так и не сняла. Они с бриллиантами. По три маленьких камушка на каждой сережке.

Остальные драгоценности и подарки я сложила в коробку и с курьером отправила в офис Егора, а про эти серьги забыла.

Потребуется – верну, – решаю я. А так – пусть останутся у меня.

Как компенсация за его обман, предательство, разбитую жизнь.

Как напоминание о собственной наивности и розовых мечтах.

Как предупреждение больше никому не верить.

Мне повезло: в плацкарте рядом со мной едут две женщины. Одно место пустует, возможно, пассажир сядет позже, все же больше трех суток ехать. Через проход расположились тихие бабулька с дедушкой с кучей сумок и баулов.

Женщины сидят напротив меня, им обоим лет под пятьдесят, и они очень болтливы. Первые сутки триндят до поздней ночи не замолкая. Обо всем на свете. Начиная внуками (у одной уже двое, другая только мечтает) и заканчивая рецептами соленых помидор. Пытаются вовлечь в разговор меня, но я учтиво улыбаюсь, односложно отвечаю и делаю вид, что очень увлечена книгой. В которой не понимаю ни строчки.

Когда страх, что Сургутский меня может найти, отступает, мои мысли начинают крутиться вокруг Егора и последних мгновений, когда я видела его последний раз. Там, в загсе.

Перед глазами стоит его обескураженное лицо, непонимающий взгляд... Он ведь так и не понял, почему я его бросила в загсе. Убежала, ничего не объяснив.

Пусть ему его гражданская жена объясняет! – психую я, со злостью переворачивая еще одну непрочитанную страницу.

Я бы поняла еще, расскажи мне Егор все с самого начала. Что у него есть сын. Что по необходимости он встречается с его матерью. Помогает, участвует в воспитании ребенка. Но Егор ни разу даже не обмолвился о них! Это обиднее всего. Что посчитал меня слепой и наивной дурочкой. Решил, что может водить меня за нос и жить на две семьи. И что я ничего не узнаю.

Какой же он... лицемер! Ненавижу!

Незаметно смахиваю накатившие слезы. Никогда не думала, что в человеческом организме может быть столько соленой воды. Думала, за ночь выплакала все досуха, но нет, еще есть и кажется, много.

Ну нет! – мысленно даю себе отрезвляющую пощечину. – Я больше не буду плакать из-за предателя! Хватит! Он недостоин моих слез! Вот еще!

Глава 4

Лина

– Линочка, попей с нами чайку, смотри сколько у нас тут всего, на всех хватит, – на утро второго дня поездки позвала меня попутчица. Галина, как она представилась. Тетей Галей разрешила себя называть. Она едет до Бийска.

– Иди–иди, – подхватила вторая. Тетя Надя. Она едет к родственникам в какую–то деревню со сложным названием. – Дай глазам отдохнула, не отлипаешь от книжки своей. Про что хоть пишут?

– Про любовь, – пожимаю плечами.

– Про любовь – дело хорошее. Но чай попить – святое.

Передо мной чудесным образом появляется стакан с душистым чаем и пряники.

– Угощайся. Куда едешь–то?

– К папе. В Саяногорск.

– О–о, а я тоже оттуда, – обрадовалась тетя Галя. – Мы там в Заводском районе жили. Год, как на Алтай переехали.

– Да? И мы тоже в Заводском жили. Я после школы сразу в Москву уехала. Учиться. А папа там остался. Я к нему еду.

– Как фамилия папы?

– Панины мы.

Называю девичью фамилию мамы. Помню, она рассказывала, что еще в девяностых, когда мои родители только–только познакомились, у папы уже были связи с опасными людьми. И ради ее безопасности, а потом и моей, фамилия моего отца ни в ее, ни в моих документах нигде не фигурировала.

Позже папа стал продвигаться по карьерной лестнице, а я была рада, что мои успехи и достижения никто не связывал с известной фамилией. Даже в Москве в моем окружении никто не знал, кто мой отец.

Кроме той девушки, которую любит Егор.

При воспоминании о Сургутском снова защемило в груди, но я спрятала боль за ресницами, натянула улыбку.

– Знакомая фамилия, – тетя Галя задумалась, силясь вспомнить. – У Никиты в классе вроде девочка была с такой фамилией. Ты из какой школы?

– Из третьей.

– Никита тоже в третьей учился.

– Никита случайно не Казаков? – аж подпрыгиваю от удивления. Неужели такие совпадения бывают?

– Точно. Казаковы мы. Ну надо же! – тетя Галя радостно всплеснула руками. – А я смотрю на тебя, думаю, лицо знакомое, а что за девочка, откуда – вспомнить не могу. А ты оказывается, с Никиткой моим вместе училась.

Никиту я вспомнила почти сразу.

Во–первых, у нас в классе был только один мальчик по имени Никита.

Во–вторых, я его помнила потому, что он был самым высоким среди других мальчиков нашей параллели. И тощим. Нескладным. Мы почти не общались.

В–третьих, он ушел из школы после девятого класса и куда–то уехал учиться, я про него совсем забыла.

А сейчас я еду в поезде с его мамой и вспоминаю, что видела ее прежде. Просто раньше она была моложе с другой прической и цветом волос, неудивительно, что я ее не узнала спустя столько лет.

– А ты на кого, Лина, учишься в Москве?

– На экономиста.

В этом году окончила второй курс. Егор в день последнего моего экзамена сделал мне предложение и в планах на это лето было поработать у него в компании, под боком любимого. Но это, конечно, после медового месяца.

Не суждено планам сбыться. А теперь, чтобы занять себя чем-то этим летом, придется искать работу в нашем маленьком городке. Думаю, папа пристроит меня куда-нибудь. Может быть, даже к себе на завод.

А осенью... возможно я переведусь в другой институт. Не хочу возвращаться в Москву.

– О, хорошая профессия, – одобрительно закивала тетя Галя. – Денежная. А мой Никита после школы в Красноярске учился в училище каком-то, все не могу запомнить его название, ну да ладно, главное, специальность есть. А после учебы приехал сынок домой, говорит: папа, мама, хочу заняться туристическим бизнесом. Денег немного скопил, еду на Алтай турбазу строить. А мы с отцом чет подумали, подумали и тоже с ним поехали. Все продали: и квартиру, и дачу в Черемушках. Надо же помогать ребенку. Теперь вот бизнес у нас – база отдыха в Ч***ой долине. "М*** Т***" <*> – слышали? Нет? У-у... Приезжайте к нам. Там красота – неопишная: речка, горы, каменные грибы... (<*> примечание автора: реклама запрещена, поэтому реальные названия скрыты).

Тетя Галя так красочно и воодушевленно рассказывает, что я невольно проникаюсь и слушаю, затаив дыхание. А потом она находит в телефоне фотографии и показывает нам с тетей Надей свою базу.

Действительно, очень красиво. А главное – природа. Нет городских джунглей, выхлопных газов, уличного шума. Только река, горы, долина. Очень живописно.

И что самое важное – далеко от Егора. Захочет найти – не найдет.

– У нас связь не везде, – рассказывает тетя Галя. – Но мы привыкли. Если надо позвонить – метров пятьсот от базы отходишь, аккуратно посередине долины оказываешься. Вот там сеть ловит. Магазин – в деревне в пяти километрах от нас, но мы продукты из города везем... Свет до одиннадцати вечера. Генераторы у нас стоят и солнечные панели. А какие там звезды – что алмазы. Я до Алтая и подумать не могла, что они так близко над головой висят. Кажется, протяни руку и дотронешься... Едут к нам отовсюду, даже иностранцы приезжают. Домики с осени бронируют. В сезон мест нет, благо, баз в долине много...

Еще сутки я слушаю маму бывшего одноклассника. Про базу на берегу реки в практически диких местах.

– Тетя Галя, чем больше слушаю вас, тем сильнее хочу туда, на вашу базу, – признаюсь ей утром следующего дня. Потому что проснулась и поняла, что в Саяногорск я ехать не хочу. Не сейчас. – Возьмите меня с собой? Я вам помогать там буду. Бесплатно.

– Да что ж бесплатно-то? Платить будем, не обидим, место для проживания, еда – все будет. Помощница мне очень нужна. У нас работы полно, а место такое дикое, что не каждый работать захочет.

– Я хочу!

Тянет меня туда – к горам, подальше от цивилизации. Как будто там – место силы для меня. Место, где я смогу залечить раны, забыть жениха и все, что с ним связано.

Приедет ли туда когда-нибудь Егор?

Он не любитель дикого отдыха. Он привык к роскоши. Ему нужен комфорт. Поэтому нет – не приедет.

А даже если вдруг...

Тетя Галя говорит, там много баз. У них – не самая дорогая. Больше рассчитанная на туристов со средним и ниже среднего достатком.

Решено! Еду! Надо только папу предупредить.

Глава 5

Лина

На третий день путешествия мы с тетей Галей прощаемся с тетей Надей и выходим в Бийске.

Сразу звоню отцу, рассказываю, где я. Он уже в курсе моего решения. Делает еще одну попытку уговорить вернуться в Саяногорск, обещает спрятать в не менее диких местах, что выбрала я. Но я все уже для себя решила. Единственная просьба к папе – не говорить Егору, куда я уехала, в случае если он будет меня искать. Папа пообещал, что от него никто не узнает о моем местонахождении. Тем более, что он сам собирается в командировку. В Африку. На целых три месяца! А если будет необходимость – останется там на полгода.

Эта новость и пугает, и радует одновременно. Страшно за папу – слишком далеко от дома. Радует, что я решила остаться на Алтае, а не засела в нашем маленьком городке в полном одиночестве и отчаянии. Хотя папа сказал, что я могу приехать туда в любой момент. Квартира на кодовом замке, который не менялся еще со времен, когда я там жила. И денег он мне закинул на счет приличную сумму.

За последнее я его отругала – зачем? Но папа упрямый. Надо – отрезал.

Ладно, мне же не обязательно их тратить, пусть лежат.

Осторожно поинтересовалась у папы, не звонил ли ему Егор. Ведь свою симку я выбросила еще в Москве, а новую мне купил один из охранников папы.

Не звонил.

Не ищет.

Принял мой побег как должное.

Я же этого хотела, верно?

Наверное, да.

Но на душе все равно паршиво.

Тетя Галю на вокзале встретил муж: дядя Володя, отец Никиты, которого я ранее ни разу не видела. У дяди Володи свой микроавтобус, и мои вещи, а также вещи его жены, вошли в него без проблем. И это несмотря на то, что салон забит ящиками с овощами и фруктами, питьевой водой и каким-то еще пакетами и мешками.

Дядя Володя такой же приветливый, как тетя Галя. Обрадовался, что я еду к ним работать. Еще больше – что мы земляки и даже бывшие одноклассники с его сыном. Я сразу почувствовала себя родной им.

Да, вот так бывает. Почти не общались в родном городе, хотя жили совсем рядом. Но встретились случайно за тридевять земель и сразу стали близкими.

Добираемся до их базы мы ооочень долго. Из Бийска едем до Горно-Алтайска, потом медленно по очень плохой дороге – до озера Телецкое. Весь путь, по словам Казаковых, – больше двухсот километров. Они переживают, что мне не понравится и я потребую вернуть меня обратно. Уверяю их, что мне все нравится. Чем дальше от городов, людей, прошлого, тем мне лучше. Легче на душе. Отвлекает от только что пережитой драмы.

За окном невероятная красота. Высокие–высокие горы, вершины которых укутаны в пушистые облака. Будто небеса опустились, чтобы обнять их. Снежные шапки на острых пиках сверкают на солнце, как россыпь алмазов – ослепительно, волшебное! Тут же по пути – бескрайние долины, где трава колыхнется, как изумрудное море.

Мы делаем остановки: размять ноги, подкрепиться, подышать воздухом.

Подставив лицо солнышку и закрыв глаза, с наслаждением втягиваю в себя носом аромат горных цветов.

– М–м... какой тут воздух! Чистый, хрустальный. Дышишь и кажется, будто пьешь живительный эликсир! Это везде так? И у вас в долине? – обращаюсь к супругам Казаковым.

– У нас еще лучше, – заверила тетя Галя. Дядя Володя кивнул, подтверждая.

– Я влюблена в эту природу! Невероятное место! – не сдерживаю свой восторг.

– Да ты еще ничего, считай, не видела, – посмеиваются. – Вот через Телецкое поедem... Скорей бы уже!

Телецкое озеро прекрасно и величественно. Оно глубокое, загадочное, даже мистическое, и, если вглядываться в воду, кажется, затягивает на самое дно.

Мы плывем по озеру целых шесть часов. На катере, к которому прикреплена еще баржа, а на этой барже тесно стоят автомобили туристов и наш микроавтобус.

Слева и справа – сказочные, темно-зеленые горы.

Красота такая, что дух захватывает! И небо – чистое–чистое, бесконечное.

Периодически щипаю себя, проверяя, не сплю ли я. Жутко завидую тем, кто видит эту красоту ежедневно. Счастливики!

Через шесть часов мы прибываем на другой конец озера. И снова в путь на автобусе.

– Уже недолго осталось, – обещает дядя Володя. – Повезло, что тут дождей давно не было, дорога нормальная. А то, бывает, развезет, не проедешь. Не, моя малышка проедет, – он с любовью похлопал ладонью по торпедe, – а вот других приходится вытаскивать. Едут сюда на чем попало, потом сидят по крышу в грязи, ждут помощи. Не бросать же.

Добрый дядька. И тетя Галя хорошая. Интересно, Никита изменился или такой же нескладный? Не расспрашиваю его родителей об их сыне. Сама увижу.

На базу приезжаем уже когда совсем стемнело. Останавливаемся возле деревянного двухэтажного домика. Выгружаемся. Слышу шум воды – где-то недалеко речка. А в целом – тишина. И очень тепло.

В темноте угадываются строения. Стоят ровными рядами. Кое-где на фасадах светятся одиночные лампочки, подсвечивая номера домиков. Завтра обязательно все рассмотрю подробнее – даю себе обещание.

А пока – ноги от долгой поездки деревянные, голова гудит от усталости. Мне бы умыться и добраться до кровати.

К счастью, Казаковы того же мнения.

Тетя Галя показывает мне санузел с душевой, просит надолго не занимать, чтобы горячей воды всем хватило.

Комнату мне выделила на втором этаже. Отдельный вход по лестнице с торца дома. Балкончик и сразу большая комната. Тут стоят четыре узких кровати, есть небольшой шкаф для одежды, прикроватные тумбочки, стол и табуретки. А еще кирпичная печка на случай холодов.

– Здесь у меня девчонки жили – работницы, а сейчас никого. Так что занимай любую кровать. Белье вот, все чистое, – тетя Галя принесла постельное. – Завтра новые туристы заезжают, Никитка уехал встречать, приедет с ними к обеду. Поможешь мне жилье приготовить, там делать–то особо нечего.

– Конечно, – киваю. – За этим я здесь.

– Ну все, отдыхай, устала небось с дороги.

– Не то слово!

– На новом месте приснишь жених невесте, – перед уходом с загадочной улыбкой подмигивает женщина. – Не забудь!

Нет! – проворачивается с болью в груди. – Был у меня жених. Обманщик и предатель! Больше не надо!

Но тете Гале я не отвечаю. Прячу глаза, делаю вид, что что-то ищу в сумочке. Натякаюсь на телефон. Смотрю на экран – ни одного деления.

– Связи тут нет, – напоминает тетя Галя. – Завтра покажу, где ловит, позвонишь отцу, волнуется небось.

Поблагодарив, иду в душ, быстро ополаскиваюсь. Отказавшись от чая, поднимаюсь к себе. Сил хватает на то, чтобы застелить кровать, а потом падаю в нее и практически сразу отрубаясь. Без снов.

Глава 6

Лина

Просыпаюсь я рано. Долго лежу, рассматривая помещение, которое теперь будет называться моим новым домом. Стены и потолок – все деревянное. В углу – кирпичная печь. Простенный платяной шкаф, стол, тумбочки, табуретки, еще три кровати – вот и все наполнение комнаты. Маленькое окно с белыми занавесками, яркие покрывала на кроватях и запах смолы придают толику уюта.

Но это не сравнить с моим прежним местом жительства, где был комфорт и удобный матрас.

А у меня теперь все по-другому, – парирую сама себе. – И я другая. Мои розовые очки разбились, здравствуй другая реальность.

Эта комната... Я обвела взглядом помещение еще раз.

Жить можно, – заключила. – Главное, ничто не будет напоминать мне о прежней жизни с Егором.

Егор...

– М–м–м! – прикусываю со всей силы кулак, сдерживая рвущиеся из груди рыдания.

Каждое воспоминание о Сургутском оставляет глубокие рваные полосы на сердце. Они не затягиваются в шрамы. Они накладываются друг на друга, усиливая боль. Когда это закончится? Когда придут покой и смирение в мою душу?

Трое суток всего пришло. Трое суток, как моя жизнь разделилась на до и после.

– Что ты сделал с нами, Егор? – шепчу в пустоту. – Как ты там? Счастлив в той семье, которой ты нужен? Мальчик похож на тебя. Почему ты ничего мне не сказал? Я бы поняла. Наверное. Акции отца... мне они не нужны. Я бы их сама тебе отдала, будь они у меня.

До свадьбы я мечтала, что подарю любимому сына. И он будет очень похож на своего отца. А оказалось, маленькая копия Егора уже растет на этой планете.

Я искренне желаю Сургутскому, его сыну и той женщине счастья.

Постепенно я забуду Егора. Пока еще тяжело выкинуть его из головы. Слишком глубоко впустила я его в себя. Отдала сердце. А теперь там кровавая рваная рана.

Смогу ли когда-нибудь снова полюбить, довериться мужчине? На данный момент кажется, что никогда и ни за что. Но также верю, что со временем все может измениться.

Протягиваю руку и беру с тумбочки телефон. Со вчерашнего дня ничего на дисплее не изменилось.

Ха, на что я надеялась? Ясно же сказали – связи тут нет. Только использовать его как часы и будильник. Время, кстати, семь часов.

Слышу приглушенные голоса за пределами комнаты. Надо вставать и мне. Я же сюда не разлеживаться приехала, а работать.

Оделась, вышла на балкон. Боже, красота какая! Зажмурилась от яркого утреннего солнца, лучики которого только-только показались из-за гор. Капельки росы на траве радостно заблестели, приветствуя. Речка где-то недалеко журчит. Передо мной раскинулась долина, уставленная однотипными деревянными домиками. А вокруг – высоченные величественные горы.

Налюбовавшись, спустилась вниз. Сначала в санузел. Умылась, привела себя в порядок. Только после пошла на звук голосов.

– Доброе утро, – поздоровалась с тетей Галей и ее мужем.

– Доброе, Линочка. Как спалось? Не разбудили мы тебя?

– Нет, что вы! Все было прекрасно. Спала как сурок.

– Приснился кто?

– Неа, – мотнула головой.

– Эх... – тетя Галя как будто даже расстроилась. – Ну ладно. Садись, дочка, с нами завтракать.

Передо мной поставили тарелку рисовой каши на молоке, подвинули ближе корзиночку с хлебом, сливочное масло на блюде и дали кружку какао.

– М–м, как вкусно! – пробую кашу и со всей искренностью хвалю хозяйку. – Я такой вкусной каши никогда не ела! Масло вообще можно без хлеба есть.

– Это все местные продукты – алтайские. Натуральные, не то, что у вас в Москве, – тетя Галя загордилась так, будто все продукты создала собственноручно.

– Я вам больше скажу. Даже у нас в Саяногорске не тот вкус, – довольно крякнул дядя Володя.

– Полностью согласна!

.

– А Никита когда приедет? – спрашиваю, помогая убирать посуду после завтрака.

– Раньше обеда не ждем.

– А он здесь живет? С вами? – имею в виду этот же дом. Он самый большой на этой базе, в отличие от тех, что для туристов. Сразу видно – хозяйский. На фасаде заметила вывеску: "Администрация".

– Не, у него отдельный домик. Вон тот, – тетя Галя показала на первое строение во втором ряду. – Взрослый же, – подмигнула.

Взрослый. Я его помню нескладным подростком, а чтобы взрослым... Мне кажется, это я выросла, а остальные одноклассники так и остались в том возрасте – пятнадцать–шестнадцать–семнадцать лет.

Тетя Галя показывает мне где что. Прачечная представляет собой сарай с обыкновенным навесом, стиральная машинка работает. Под навесом натянуты бельевые веревки.

Склад тут же. На стеллажах – стопки чистого белья, порошки и прочие хоз. принадлежности.

– А там у нас баня. Каждый вечер топим – туристы заказывают. А мы уже после них ходим.

Идем готовить домики к заселению. С Никитой приедет десять человек, поэтому приводим в порядок двухэтажный. Ничего сложного. Дядя Володя проверяет проводку, выключатели, лампочки, сантехнику. Я делаю влажную уборку, тетя Галя приносит белье, полотенца, инспектирует шкафы, тумбочки, убирается в санузле.

Невольно прикидываю, может ли Егор приехать когда-нибудь сюда отдыхать. Прихожу к выводу, что нет. Здесь для него слишком просто, комфорта минимум, удобства еще меньше. Не его уровень. И с маленьким ребенком вряд ли он поедет в эти дикие места. Тут даже магазина нет, а что уж говорить о фельдшерском пункте?

А приедет, и что? – ругаю себя. – Мне какое теперь до него дело? У него есть о ком думать и кого развлекать. Сделаю вид, что незнакомы, только и всего.

Но, представив Сургутского здесь, в солнечном сплетении стало нехорошо. Ноги ослабли, тряпка выпала из рук. Присела на край кровати, чтобы прийти в себя.

Гад ты, Егор, что я так много о тебе думаю и теряю рассудок об одной только мысли о тебе.

Потому что люблю! Все еще. Слишком сильно.

Обмахиваюсь ладошкой, помогая себе с притоком воздуха. Надо просто занять голову другим. Вот, например, будущей встречей с бывшим одноклассником. У нас с ним целых девять лет общих воспоминаний. Вот и будем вспоминать.

Полегчало.

К обеду с уборкой заканчиваем. Возвращаемся в наш корпус. Лепим вареники с картошкой, время от времени поглядывая в окна.

– Приехали!

В груди волнительно затрепыхалось. Я сейчас увижу человека из прошлого. Можно сказать, из детства. И хотя мы почти не общались во время учебы, встреча с Никитой кажется судьбоносной.

Выхожу на крылечко.

Мимо административного корпуса идет компания мужчин и женщин самого разного возраста. Все с сумками, рюкзаками.

– А где Никита? – высматриваю его. – Отстал или не приехал?

Один из мужчин в солнцезащитных очках и кепке едва не сворачивает голову, проходя мимо крыльца, где стою я.

Демонстративно отворачиваюсь. А то подумает еще, что я готова знакомиться с первым встречным.

– Ангелина? – спрашивает.

Оборачиваюсь. Хмурюсь от непонимания. Мы знакомы? Качок какой-то. Плечи широкие, руки громадные, торс в кубиках через футболку просматривается.

Неужели это кто-то из знакомых Егора?

– Панина?

Откуда он знает мою фамилию? Мне даже голос его чужд!

Продолжаю таращиться на него. А он рюкзак с плеч скинул и ко мне идет. Очки снял, улыбается открыто, солнце от зубов бликует, слепят.

Мамочки! Помогите!

Делаю шаг назад. Беспомощно шарю взглядом вокруг, ищу дядю Володю или его жену. Потому что вся компания уже ушла далеко вперед.

– А я говорила – не узнает она нашего Никитку! – смеясь, воскликнула тетя Галя и поспешила к нам.

– Никита???

Глава 7

Лина

– А я смотрю – ты не ты, – широко улыбается Никита, а это действительно он, только в абсолютно другом теле. – Как ты тут оказалась? Ты с кем? Где остановилась?

Смотрим друг на друга во все глаза, не таясь. Сверху вниз. Снизу вверх. И столько спросить хочется и рассказать. А в итоге я шокировано пялюсь на молодого человека, с трудом узнавая в нем прежнего нескладного доходягу, и слов не нахожу.

На нем светлая футболка, камуфляжного цвета штаны, берцы. Но тело... Я впечатлена настолько, что все приличные слова восхищения вылетают из головы. Если бы не знакомые глаза, ни за что бы не подумала, что передо мной Никита Казаков – мой одноклассник.

– Тебя не узнать, – произносим одновременно и так же вместе начинаем смеяться.

– Дай хоть обниму тебя, что ли.

Никита расставляет руки. Конечно же я позволяю себя заключить в поистине медвежьи объятия.

– Раздавишь! – пишу, как мне кажется, за миг до хруста костей.

Отпускает. Отступив, снова скользит восхищенным взглядом по моей фигуре.

– Ну, Ангелина, – цоклет, – вот кого-кого, а тебя не ожидал здесь увидеть.

– Почему?

– Ну ты такая... Красивая! Тебе надо блистать на подиумах лучших домов моды, а не тут, в диких местах.

– Никита! – смущаюсь от неожиданного признания. Никогда не думала, что в глазах одноклассника я могу быть моделью.

– Что? Я правду говорю. Ты всегда была непохожей на других. Какая-то неземная, что ли... А сейчас у меня слов нет, чтобы описать тебя.

– Да ну, скажешь тоже, – легонько бью Никиту кулачком чуть пониже плеча. – Ай, – трясую рукой, – у тебя там что – бронежилет? Ты из чего слепил себя, Казаков? А главное – как?!

– Упорный труд, натурпродукты и чистый воздух! – хвастливо скалитися он.

И как настоящий бодибилдер встает в позу.

На моих глазах происходит чудо: мышцы парня на руках и ногах стремительно увеличиваются в объеме, надуваются, наливаются силой. Вены набухают и приобретают красно-синий цвет. Никита становится еще шире в плечах и бедрах, объемнее.

– Ая-я-яй! Хватит! – шокированная зрелищем верещу и закрываю лицо ладонями, но щелочку между пальцами оставляю. Интересно же, до каких размеров надуется бывший одноклассник.

– Почему? – Никита не думает сдвигаться. Крутит кулаками в разные стороны, меняет позу, показывая себя со всех ракурсов.

Хорош!

Вот кому нужно на подиум. Обязательно с увлекательной историей как стать качком и фотографиями из детства в качестве доказательств. Наглядный пример для всех неуверенных в себе подростков. Стимул для преобразования хлипких дрищей в эталон силы и мужественности.

– Мне страшно! Вдруг лопнешь!

– Ахаха! – раскатистый смех несется по поляне.

Целый день мы с Никитой проводим вместе. Его мама уверяет меня, что делать ничего не надо, а дядя Володя берет инструктаж новоприбывших отдыхающих на себя.

К вечеру у меня болит язык от разговоров, щеки – от постоянных улыбок, а пресс – от смеха.

С Никитой не скучно. С ним легко и беззаботно. Все тяжкие думы, воспоминания из прежней жизни, прошлые образы уходят на задний план и к ночи теряются в свежих эмоциях.

Отличное лекарство я себе выбрала, – думаю, падая вечером в кровать. – Жить можно.

Утро следующего дня оказывается интереснее предыдущего.

На завтрак в родительский дом приходит Никита. Свежий, выспавшийся, улыбчивый. В светлой футболке и легких серых штанах он выглядит по-домашнему просто и уютно. Расправленные плечи, мальчишеская улыбка, задорный белобрысый вихор делают из этого парня не просто красивую картинку, а притягательного молодого мужчину. Накачанное тело кричит о недюжинной силе, придают уверенность окружающим и чувство защищенности. Он как скала – могучий и непробиваемый.

Замечаю, с какой гордостью и сильной материнской любовью смотрит на сына тетя Галя. Как довольно кряхтит дядя Володя, пожимая отпрыску руку в качестве утреннего приветствия. И как сворачивают шеи две девушки в топиках и коротких шортиках, якобы прогуливающиеся неподалеку.

Никита тоже их видит. Сощутив глаза, провожает их виляющие задницы долгим взглядом, пока не наткнется на мой.

– Ты чего? – взлетают его брови вверх.

– Ты красавчик, Никита. Глаз не отвести, – шучу.

– Ой, Линка, с огнем играешь! – вмиг становится серьезным Казаков. – Влюблюсь ведь, придется тебе замуж за меня выходить.

– А что, Никита у нас парень видный, мозговитый, – подхватила тетя Галя, – бизнес вон какой организовал, на доходы не жалуемся. Да и ты, Линочка, не чужая. Чем не пара нашему Никитке, скажи, Володь?

– Верно мать говорит.

Стоп! Это как понимать? Я тут всего третий день, а они уже нас с Никитой женят!

– Чур меня! – поспешно реагирую и мысленно даю себе по губам. Никита обижается, а тетя Галя поджимает губы. – В смысле, я не хочу замуж! Мне рано! Учиться еще долго, – ищу оправдания своей реакции. Не рассказывать же, что я только-только сбежала из загса.

Настроение портится, мне кажется, не только у меня, а у всей семьи Казаковых. Ковыряю ложкой в рисовой каше. Аппетит пропал.

Ну вот что они, в самом деле? Какая мы пара? Мне после Егора отношения с другим мужчиной не нужны, будь он хоть трижды красавчик и богач. С Егором я была как в сказке, с крыльями за спиной, а без него я как будто застряла между небом и землей.

В конце концов, хороших девушек пруд пруди, Никита пусть сам свою личную жизнь устраивает, а я тут просто прячусь работаю. Временно.

– Верно Лина говорит, – снова берет слово отец Никиты. – В этом вопросе не надо спешить. Пусть ребята погуляют, подружат, присмотрятся.

Дядя Володя, как же я вас люблю! – взглядом благодарю его за понимание и поддержку.

– Конечно-конечно, – соглашается с ним его жена. – Сами пусть решают. Мы мешать не будем.

И на том спасибо!

В следующей главе узнаем, чем занимается Егор. Не забудьте поставить звездочку книге!

Глава 8

Егор

Белый свет резанул по глазам. Будто острой саблей рассек веки. Вспышка невыносимой вспарывающей мозг боли заставила замыкать, сморщиться, попытаться скрыться в ту безмятежность, из которой меня так бесцеремонно выдернули. Я замотал головой, подсознательно ища темноту, но сделал только хуже – боль усилилась.

– Убью! – застонал я, не в силах продолжить предложение. Хочу потребовать задернуть шторы как было, но язык еле ворочается. Одно слово осилил кое–как.

Не уверен, что тот, кому предназначалась моя угроза, ее услышал.

Во рту сухо, будто сутки жрал песок. И гадко, как в свинарнике.

– Вставай, хватит умирать уже! – прозвучал разъяренный знакомый голос.

Иди на хрен, – мысленно послал его.

Не размыкая век, пальцами потянулся в ту сторону, где, по моему мнению, должна стоять вода или хоть какая–то жидкость. Рука будто чужая, тяжёлая. Соскользнула с живота, упала безвольно вниз, пальцы коснулись коврового покрытия.

– Твою мать! – застонал, не разжимая зубов. Куда делась сила?

На какое–то время показалось, меня оставили в покое. Я снова погрузился в спасительный сон. В котором нет ЕЕ. Я ЕЕ наконец вытравил из себя. Я справился. Я молодец.

Внезапно на лицо мне обрушился водопад ледяной воды. Хлебнув носом воды, проснулся мгновенно, дернулся в сидячее положение, чтобы не захлебнуться. Еще недавно было все равно, проснусь ли я вообще, но сейчас вдруг резко расхотелось умирать.

Фыркаю, отплевываясь от воды, протираю ладонями лицо. Ищу взглядом того, кто посмел нарушить мое уединение таким варварским способом и едва не утопил меня на собственном диване.

– Ты! – гневно таращусь на Олега, что с отвращением уставился на меня.

Знаю, выгляжу отвратительно. Плевать. На всё плевать. С тех пор, как ОНА бросила меня, всё потеряло смысл.

– Я! – рывкает младший. – Ты что тут устроил? – взмахивает рукой в сторону стола, на котором ровным рядком стоят пустые консервные банки, стопкой – коробки из–под пиццы и батарея из пустых бутылок от сока до минералки. Я тот еще перфекционист.

И как вишенка на торте – стопка наших с Ангелом совместных фотографий. Верхняя – где она смеется, забавно сморщив носик.

Это фото сделано весной. В начале мая. На смотровой площадке Воробьёвых гор – место, где она могла стоять часами и любоваться Москвой. В тот момент Лина посмотрела на солнце и чихнула, а я успел сфотографировать.

– Совсем с катушек слетел? – разоряется брат.

– Не твое дело! – огрызаюсь я.

Морщусь от простреливающей головной боли – результат защемления от обездвиживания. Пока "умирал" в абсолютной тишине, пялясь в потолок, голова хотя бы не болела, а теперь мои слова или слова брата – словно взрыв атомной бомбы в моей бедной черепушке.

– Это как раз мое дело! – Олег не щадит. Добивает рыком. – Значит так, брат. Или ты сейчас идешь в душ, приводишь себя в порядок и начинаешь жить и работать как прежде...

– Или? – смотрю на него исподлобья, внутренне закипая. И когда это младший стал таким наглым, что смеет мне ставить ультиматумы?

– Или я вызываю бригаду и отправляю тебя в дурку на принудительное лечение.

– Да пошел ты!

Трясу головой, окончательно прогоняя от себя сон. Зажимаю виски. Так легче. Так боль ненадолго отступает, но потом обрушивается с еще большей силой.

Да, в душ надо. Контрастный. Или ледяной.

Последний раз я душ принимал, кажется, перед свадьбой. А за день до нее – вместе с моим Ангелом...

– Где ОНА?

– Кто?

– Ангелина, – киваю на стопку фотографий.

Я знаю, что под той, где она смеется, лежит та, где мы с ней целуемся. Нас тогда щелкнул фотограф, что плыл с нами на туристическом кораблике по Москва–реке.

А еще ниже – та, где Лина спит. На животе. Обняв подушку.

Яркие лучи ослепительного утреннего солнца ласкают ее обнаженную бархатную кожу. Светлые волосы рассыпались по подушке.

Я не мог не запечатлеть эту картину. А потом, отложив телефон в сторону, будил ее. Долго.

У каждой из фотографий в этой стопке есть своя история. Наша с Ангелом история.

– Нет ее! – взрывается Олег. – Нет и всё! Сбежала. Бросила. Тварь!

– Не смей ЕЁ так называть! – сжимаю кулаки.

– Называю так, как она этого заслуживает! Забудь ее!

– Я пытался забыть, ты не даешь! – взрываюсь в ответ.

– Это, – указывает на стол со следами моей апатии, – не поможет!

– А что поможет, Олег? – устало прикрываю глаза, враз теряя всю спесь и злость. – В груди до сих пор болит. Она у меня тут, – бью кулаком себе по груди, – под кожей. В крови. В голове. Не вытравить. Не стереть. Не забыть. Тебе не понять, – добавляю с горечью. Я и сам не думал, что так увязну в моем Ангеле.

– Куда уж мне, – фыркает брат.

Под его осуждающим взглядом сгребаю фотографии со стола, прячу в тумбу. Не поднялась у меня рука выбросить их. Я, можно сказать, потому и выжил, что пусть на бумаге, но Лина была со мной. Хотя бы так.

Сколько времени уже прошло, как она бросила меня? – смотрю на часы на руке – цифры расплываются. Беру телефон – разрядился.

– Какое число сегодня?

– Пятнадцатое.

Пытаюсь сообразить. Что–то не сходится. Свадьба была пятнадцатого.

– А месяц?

– Июль, брат. Ты уже месяц не в себе. Если бы не Софа, я бы и не узнал, что тут у тебя, – он делает круг рукой, – происходит. И с тобой, – добавляет тише.

Софа. Кажется, она приходила сюда с сыном. Да уж, не лучший пример для малыша видеть

человекоподобное тело, потерявшее смысл жизни.

Кружу взглядом, выискивая воду. Олег молча протягивает минералку. Жадно пью, опустошая ее до дна. Чувствую, как вода плюхается в желудок, словно водопад в высохшее озеро. Становится легче.

Иду в душевую.

С минуту пялюсь в зеркало, не узнаю себя. Волосы на голове клочьями, жесткая щетина сделала меня похожим на выходца с Кавказа, глаза потухли и впали. А еще я здорово похудел за этот месяц.

В душевой провожу не меньше часа. Кое-как сбриваю бороду, умудряясь сделать несколько некрасивых порезов. Можно бы сходить в барбершоп, но видеть людей мне категорически не хочется. Надеюсь, Олег уже ушел.

Но нет.

Помимо него в моих апартаментах уже шныряют уборщицы. Трех насчитал.

Олег всовывает мне в руки чашку с кофе и отправляет в кабинет – единственное помещение, где нет хаоса и где можно переждать уборку. Потому что я туда не заходил.

Я и в спальню не заходил, но сейчас прохожу мимо и притормаживаю. Распахнув дверь, стою на пороге. Здесь тоже порядок. Даже не так. Тут брачное ложе, готовое принять молодоженов. Даже лепестки роз лежат. Уже высохшие, скукоженные и потерявшие цвет. Должны были быть красные на белом покрывале. В виде сердца. А теперь это сердце – грязного серо-белого цвета. Как зола. Пепел нашей любви. ЕЁ НЕлюбви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.